

Содержание

Смерть травы	5
Долгая зима.....	191
У края бездны.....	397

СМЕРТЬ ТРАВЫ

Пролог

Как это часто случается, смерть помогла восстановить семейные связи.

Похоронив мужа летом 1933 года, Хильда Кастенс впервые за тринадцать лет — то есть с момента свадьбы — написала отцу. Тут, конечно, сошлись воедино все обстоятельства: она за время жизни в угрюмом Лондоне соскучилась по холмам Уэстморленда, а ему перед смертью хотелось повидаться с дочерью и внуками, которых он не видел ни разу в жизни. Мальчиков в разгар учебного года даже не стали отзывать на похороны, так что по окончании учебного года они вернулись в свой домик в Ричмонде всего на одну ночь, а на следующее утро вместе с матерью отправились на север.

— Скажи, почему, — подал голос в поезде младший, Джон, — почему мы никогда не встречались с дедушкой Беверли?

Мать смотрела в окно на унылые лондонские окраины, слегка размытые маревом жаркого летнего дня.

— Никогда не знаешь, — устало ответила она, — отчего такое происходит. Отчего случаются ссоры, которым нет конца, а за ними начинается молчание, которое никто не решается нарушить.

Сейчас она уже спокойнее вспоминала ту бурю эмоций, в которую она без оглядки бросилась из безмятежной девичьей жизни, лениво текущей в сельской глубинке. Тогда она не сомневалась в том, что не пожалеет о своей страсти, какими бы неприятностями она ни обернулась ей позже. Как показало время, она ошиба-

лась вдвойне: сначала в удовлетворении своей супружеской жизнью и своими детьми, а позже в изумлении от того, как такое удовлетворение вообще могло возникнуть из того, что со временем начало казаться убогим и плохо управляемым. Ну да, тогда она не видела убогости всего этого, а вот отец вряд ли мог не обратить на это внимания, чего даже не пытался скрыть. Вот оно в чем дело: в его неодобрении и ее упрямстве.

— Но кто затеял эту ссору? — спросил Джон.

Ей оставалось только сожалеть о том, что они плохо знали друг друга. В принципе, у них было много общего, и они могли бы неплохо уживаться, когда бы не ее гордость, ставшая этому препятствием.

— Не важно, — сказала она. — Теперь это не важно.

Дэвид отложил в сторону номер «Журнала для мальчиков». Старше брата на год, он был почти одного с ним роста; из-за этого, а еще из-за физического сходства их часто принимали за близнецов. Однако он уступал Джону в скорости движений и мысли, и вещи привлекали его больше, чем идеи.

— Мам, а на что она похожа, эта ваша долина?

— Долина? Она замечательная! Она... Нет, пусть это лучше будет для вас сюрпризом, когда мы приедем. Да и описать ее у меня слов не хватит.

— Ну, мам, пожалуйста! — взмолился Джон.

— А из окна поезда мы ее увидим? — задумчиво спросил Дэвид.

Мать только рассмеялась:

— Из поезда? Нет, даже краешка не увидим. Туда от Стейвли несколько часов езды.

— А она большая? — допытывался Джон. — И со всех сторон холмы?

— Сами увидите, — улыбнулась она.

Джесс Хиллен, сосед, арендовавший землю у деда, встретил их в Стейвли, и все вместе на его машине отправились на запад. День клонился к вечеру, когда они увидели Блайнд-Джилл в лучах заката.

Наверное, этому месту больше бы подошло название «Долина Циклопа», потому что смахивала она на огромный, уставившийся в небо глаз. Но с этой точки она напоминала скорее тарелку или глубокую миску с бортиками из серых холмов, походивших больше на скалы. Зато на фоне камня зелень долины казалась еще более пышной. Летний ветер колыхал рожь и траву на пастбищах.

Вряд ли въезд в долину мог быть уже этого. Слева в каких-то десяти ярдах возвышался холм, вертикальный склон которого в некоторых местах даже нависал над дорогой; справа пенилась в каменном ложе река Леп, противоположный берег которой тоже переходил в крутой склон.

Хильда Кастенс оглянулась на сыновей:

— Ну?

— Ух ты! — выпалил Джон. — То есть я хотел сказать, она ведь течет через всю долину?

— Это Леп. Река длиной тридцать пять миль, из которых двадцать пять она проходит под землей — если, конечно, верить тому, что говорят. Но, так или иначе, на поверхность она выходит здесь, в долине. В здешних краях много рек вроде этой.

— На вид глубокая.

— Так оно и есть. И течение очень быстрое. Боюсь, купаться в ней не получится. Чуть дальше берег огорожен — от скота. Шанса спастись, если скотина вдруг упадет в воду, нет никакого.

— Я так думаю, — рассудительно заметил Джон, — зимой она часто разливается.

— Каждую зиму, — подтвердила мать. — Скажи, Джесс, так ли?

— Прошлую зиму нас на месяц от мира отрезало, — буркнул Джесс. — Ну, нынче-то, когда у нас радио есть, это не так тяжело.

— Жуть какая, — сказал Джон. — И что, правда совсем отрезало? Вы же могли через холмы перебраться?

Джесс ухмыльнулся:

— Ну, некоторые перебирались. Да только вверх карабкаться по голым камням непросто, а спускаться с обратной стороны и того хуже. Проще дожидаться, покуда вода сойдет.

Хильда Кастенс посмотрела на старшего сына. Тот уставился вперед, вглубь долины, куда не добивали уже закатные лучи. Отсюда уже можно было разглядеть постройки фермы Хилленов, но не ферму Беверли: та находилась дальше и выше.

— Ну, — спросила она, — а ты, Дэвид, что об этом думаешь?

Он неохотно повернулся к матери:

— Пожалуй, мне бы хотелось здесь жить. Насовсем.

Тем летом мальчики в долине совсем одичали.

В длину долина не превышала трех миль, а в ширину — так и вовсе не больше полумили, да и то лишь в самом широком месте. В ней поместились всего две фермы, а еще река, выныривавшая из-под земли в южной части долины и протекавшая еще две

мили по поверхности. Зато почва здесь была плодородной, так что возделанные поля занимали почти все оставшееся пространство. Впрочем, даже так места для игр двум мальчуганам одиннадцати и двенадцати лет от роду хватало, а ведь бродить можно было и по окружавшим долину холмам.

В двух или трех местах им удалось взобраться на самый верх, и они стояли там, задыхаясь и глядя сверху вниз на окружавшие их холмы и болота. Долина за их спиной казалась маленькой-маленькой. Джон наслаждался ощущением высоты, одиночества и — в некоторой степени — могущества: домики фермы представлялись отсюда игрушечными; казалось, он может протянуть руку и поднять их с земли. А еще зелень долины выглядела оазисом в окружении пустынных гор.

Дэвид получал от этого меньше удовольствия, и после третьего подобного восхождения он отказался повторить его еще раз. Ему хватало интересного и в долине; окружающие склоны представлялись ему руками, обнимавшими и оберегавшими долину, но сами они были одновременно бесплодны и неприветливы.

Это несовпадение интересов стало причиной тому, что бóльшую часть времени они начали проводить порознь. Пока Джон осваивал окрестности долины, Дэвид — на радость деду — все чаще оставался на ферме. К концу второй недели мальчик и старик отправились на ближнее к реке поле. День выдался теплый, пасмурный. Мальчик внимательно наблюдал, как дед срывает колосок то здесь, то там, вглядываясь в набухающие зерна. Дед страдал дальновзоркостью, так что колос ему приходилось держать на расстоянии вытянутой руки.

— Урожай обещает быть хорошим, — заявил тот наконец. — Если, конечно, глаза меня не обманывают.

Справа от них с ревом вырывался из-под скал на поверхность Леп.

— Мы останемся здесь до сбора урожая? — спросил Дэвид.

— Ну, не знаю пока. А тебе хотелось бы?

— Да, деда! — с энтузиазмом выпалил Дэвид. — Очень!

Они помолчали. Тишину нарушал только шум реки. Дед смотрел на долину, которую Беверли возделывали вот уже полтора столетия, потом повернулся к мальчику.

— Все к тому, что нам не слишком много времени осталось на общение. А скажи, мальчик мой, как думаешь, тебе хотелось бы вести здесь хозяйство, когда вырастешь?

— Больше всего на свете!

— Считай, ферма твоя. Хозяин у фермы должен быть один, и, сдастся мне, твоему брату в любом случае сельская жизнь не слишком по душе.

— Джон хочет стать инженером, — кивнул Дэвид.

— И, чтоб меня, если я не прав, инженер из него выйдет отменный! А ты чем думаешь заняться?

— Я пока ничего не надумал.

— Я бы, пожалуй, не стал так говорить, — заметил дед. — Оно, конечно, я и жизни-то другой толком не видел — ну, если не считать того, что увидишь на базаре в Лепетоне. Но и то верно, я не знаю другой такой жизни, чтоб дарила столько удовольствия. И земля здесь хороша, и жизнь для того, кому довольно общества себя самого и пары-другой соседей. Под плодородным грунтом здесь лежат каменные плиты; поговаривают, будто в незапамятные времена здесь стояла крепость. Не думаю, чтобы ее удалось удержать в наши времена — со всеми этими нынешними пушками да аэропланами. И все же всякий раз, как мне случается оказаться снаружи, у меня такое ощущение, будто стоит мне вернуться обратно, и я смогу закрыть за собой дверь и запереть ее на замок.

— Вот и мне так показалось, — сказал Дэвид, — как только мы сюда приехали.

— Мой дед, твой прапрадед завещал, чтобы его похоронили здесь. Вообще-то, эта просьба не пришлась по вкусу уже тогда, но в те времена приходилось иногда выполнять даже то, что не нравится. Тогда народ, черт меня возьми, был круче нынешнего! Человек должен иметь право быть похороненным на собственной земле.

Он окинул взглядом зеленое поле колосившейся пшеницы.

Но мне не так жаль будет уходить, зная, что я оставил это родному человеку.

Где-то за полдень другого дня Джон стоял на вершине южного хребта. Он только что одолел нелегкий подъем и собирался спуститься вниз.

От места, где Леп вырывался на поверхность, и до самого выхода из долины река протекала у южных склонов, так что подниматься по ним можно было только в западной части долины. Но, взглянув на реку сверху, паренек увидел, что теперь он может разглядеть нижнюю часть склона, скрытую от противоположного бе-

рега пеленой водяных брызг. В почти отвесном склоне обнаружилась расселина, в которой темнело что-то, похожее на пещеру.

Он спустился — быстро и ловко, но осторожно, ибо при обычной своей порывистости все же не был безрассуден. Наконец он оказался у расселины, расположенной в полутора десятках футов над бурлящей поверхностью воды, и обнаружил, что никакой пещеры здесь нет и в помине. Немного разочарованный, он огляделся по сторонам в поисках другого достойного внимания объекта. Над самой водой скала образовывала небольшой выступ; при желании на него можно было присесть и опустить ноги в воду. Не пещера, конечно, но все же лучше, чем возвращаться несолоно хлебавши на ферму.

К выступу он спускался еще осторожнее. Склон сделался круче, а рев воды почти заглушал все остальные звуки. Сам выступ, когда он наконец оказался рядом, его разочаровал. И все же он решил окунуть в реку хотя бы одну ногу: надо же хоть как-то выполнить поставленную перед собой цель. Прижимаясь всем телом к скале, он осторожно наклонился, чтобы снять с правой ноги сандалию. Но стоило ему протянуть руку вниз, как левая нога соскользнула с камня. Он попытался схватиться за склон, но держаться было не за что, и он полетел в реку — холодную даже в это летнее время.

Для своего возраста он плавал очень даже неплохо, но сопротивляться свирепому потоку не мог. Течение подхватило его и понесло по руслу, пробитому водой в теле долины задолго до того, как Беверли (или те, кто пришел сюда до них) начали возделывать здесь землю. Поток швырял его как мелкий камешек, пытаясь вышибить из него дух и оглушить. Для него не осталось ничего, кроме сокрушительной мощи воды и громкого стука собственного сердца в ушах.

А потом темнота вокруг него начала рассеиваться: сквозь толщу воды, все еще свирепой, но теперь не такой глубокой, начал просачиваться солнечный свет. Из последних сил он повернулся в воде, и голова его, наконец, вынырнула на поверхность. Он жадно глотнул воздух и увидел, что находится почти на середине реки. Стать на дно он не мог — течение сбивало его с ног, — и все же он наполовину плыл, наполовину шагал по течению, увлекавшему его к проходу в скалах, обозначавшему конец долины.

Вырвавшись из долины, река сделалась спокойнее. Спустя сотню или около того ярдов он смог с опаской, но переплыть на про-

тивоположный берег и выбрался на сушу. Наглотавшийся воды, обессиленный, он прикинул, на какое расстояние унес его за считанные минуты буйный поток. Он все еще смотрел вверх по течению, когда послышались цокот копыт и скрип колес, а еще спустя пару мгновений до него донесся голос деда:

— Эй, Джон! Решил поплавать, а?

Пошатываясь, он поднялся на ноги и поплелся к телеге. Дед подхватил его и усадил рядом с собой.

— Чего-то тебя трясет, парень. Ты что, в воду свалился?

Он все еще не отошел от потрясения; как мог, запинаясь, рассказал он о том, что случилось. Старик внимательно слушал.

— Сдается мне, тебе на роду написано быть повешенным. Не всякий взрослый смог бы выбраться отсюда живым. Говоришь, ты вынырнул на поверхность, а ноги касались дна? Отец мой рассказывал, там, на середине есть вроде как отмель, но проверять это никто, поди, не проверял. У берегов-то река глубокая.

Он покосился на мальчика. Тот дрожал — не столько от холода, сколько от осознания того, что могло с ним произойти.

— И то правда, что это я разболтался... Поехали, переоденешься в сухое. Но, пошла, Флосси!

Дед щелкнул кнутом, и Джон с опаской повернулся к нему:

— Ты ведь не скажешь ничего маме, а, деда? Ну пожалуйста!

— Как это мы ничего ей не расскажем? Думаешь, она не заметит, что ты вымок до нитки?

— Ну, я ведь обсохну на солнце, да?

— Ага, за неделю, может, и обсохнешь. И ты не хочешь, чтобы она знала, что ты нырянием занялся? Или боишься получить нагоняй?

— Не-а.

Они посмотрели друг другу в глаза.

— Ну, ладно, — произнес наконец дед. — Пожалуй, ты заслуживаешь маленького секрета. Как думаешь, сойдет, если я отвезу тебя к Хилленам, чтобы ты обсох там? Надо же тебе где-то обсушиться.

— Ага, — согласился Джон. — Ничего не имею против. Спасибо, деда.

Камешки на неровной дороге скрипели под колесами. Они миновали узкий въезд в долину, и вдалеке показалась ферма Хилленов. Первым нарушил молчание дед:

— Так ты хочешь стать инженером?

Джон все косился на бурный поток Лепа.

— Угу, деда.

— А фермерство тебе, значит, не интересно?

— Ну, не так чтобы... — осторожно ответил Джон.

— Вот и мне так казалось, — не без облегчения ответил дед.

Он хотел сказать что-то еще, но передумал. Новая пауза продолжалась до тех пор, пока они не подъехали к постройкам фермы Хилленов.

— Оно, пожалуй, и к лучшему. Я люблю эту землю побольше, чем многие, но есть и здесь пара-тройка условий, на которых с ней лучше не связываться. Самая сильная земля в мире все равно что пустыня, если из-за нее случится раздор между братьями.

Он натянул поводья, останавливая пони, и окликнул Джесса Хиллен.